

О. И. Беляев

МГУ, Москва

**СОЧИНЕНИЕ И ПОДЧИНЕНИЕ
В ИЦАРИНСКОМ, КУНКИНСКОМ И АШТИНСКОМ
ДИАЛЕКТАХ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА¹**

0. Введение

Противопоставление сочинительной и подчинительной связи в сложном предложении представляет собой фундаментальную для синтаксической теории оппозицию и в связи с этим с давних пор привлекает внимание лингвистов. В таких работах, как [Ross 1967/1986; Зализняк, Падучева 1975] и в особенности [Haspelmath 1995] были выделены основные свойства, по всей видимости, универсальные для языков мира, позволяющие формально разграничить эти два вида синтаксической связи.

Особый интерес с точки зрения оппозиции «сочинение vs. подчинение» представляют собой конвербные конструкции в тех языках, где использование конверба (или так называемой срединной формы глагола) является основным средством линейной организации нарратива. В таких языках эти конструкции бывают интересны тем, что по своим свойствам они оказываются посередине между сочинительным и подчинительным типами; более того, засвидетельствованы случаи, когда одна и та же конструкция проявляет в зависимости от контекста или сочинительные, или подчинительные свойства (ср. [Рудницкая 1997] для корейского, [Тестелец 1999] для цахурского).

Цель настоящего исследования состояла в проверке сочинительно-подчинительных свойств конвербных конструкций в трех диалектах² даргинского языка: ицаринского, кункинского (юго-западная группа) и аштинского (кубачи-аштинская группа). Различия

¹ Материал был собран при поддержке гранта № 07-04-00266а Российского гуманитарного научного фонда.

² Статус «язык/диалект» этих вариантов даргинского языка пока не ясен и требует отдельного рассмотрения.

в конвербных системах этих идиомов позволяют говорить о том, что эти системы были сформированы и долгое время развивались независимо. Таким образом, различия в свойствах конвербов между диалектами могут послужить источником для выводов о закономерностях в диахроническом развитии таких систем и о возможных мотивациях для каждого из вариантов такого развития.

1. Общий обзор системы конвербов в трех диалектах

Инвентарь деепричастных форм в ицаринском, кункинском и аштинском диалектах выглядит следующим образом:

Таблица 1

Ицари	Кунки	Ашты	
<i>-li</i>	<i>-le</i>	<i>-ib/un/ul</i> (PF)	следование, причина, нарратив
<i>-īi</i>	<i>-nar</i>	<i>-u/un</i> (IPF), <i>-he:</i> , <i>-mutil</i> (IPF)	одновременность, причина
<i>-q̄illa</i>	<i>-q:alle</i>	<i>-ma:</i>	причина
<i>-leheīi</i>	<i>-le hiti</i>	<i>-mutil</i> (PF), <i>-ta-be:li</i>	следование ('после того, как')
<i>-la</i>	<i>-le-hilarka</i>	<i>-ži-la</i>	'с тех пор, как'
<i>-kat(la)</i>	<i>-(h)er</i>	<i>-ma:-le</i>	немедленное следование ('как только')
–	<i>-xar(ra)</i>	<i>-xa</i>	уступка
<i>-(h)ēr</i>	–	–	образ действия
<i>-saīi</i>	–	–	одновременность / сравнение ('чем... тем')
–	–	<i>-že, -tiwalli</i>	'пока'

Таким образом, в каждом из диалектов имеется так называемый «простой» претеритный конверб (*-li, -le, -ib/un/ul*), использующийся в нарративной функции и в значении причины, и различный по объему инвентарь специализированных конвербов, выражающих разного рода временные и модальные значения.

Системы деепричастий в трех диалектах достаточно сильно различаются между собой. Это свидетельствует о том, что системы конвербов формировались во всех диалектах уже после распада даргинского единства и в значительной степени независимо друг от друга. Единственным исключением является простой претеритный конверб, который, по всей видимости, имеет общее происхождение во всех диалектах.

2. Сочинение и подчинение

Каждый из конвербов, представленных в рассмотренных нами диалектах, был проверен на соответствие следующим подчинительным свойствам:

1. линейное вложение подчиненной клаузы в главную [Зализняк, Падучева 1975; Haspelmath 1995];
2. возможность смены порядка клауз без изменения смысла [Haspelmath 1995];
3. контроль субъекта выраженного конвербом предиката из главной клаузы невозможен при сочинении [Haspelmath 1995];
4. возможность использования фокусной частицы с конвербной клаузой [Ross 1967/1986; Haspelmath 1995];
5. возможность использования в предложении вопросительного слова [Ross 1967/1986];
6. возможность использования конвербной группы в относительном предложении [Ross 1967/1986];
7. эллипсис с образованием пробела возможен только в сочинительной конструкции [van Oirsouw 1987];
8. в подчинительной конструкции воздействие матричного глагола затрагивает только главный глагол [Зализняк, Падучева 1975];
9. кореферентное сокращение обязательно в сочинительной, но не подчинительной конструкции [Podlesskaya 1998].

Мы ограничились набором из этих критериев, поскольку именно они оказались применимыми к конвербам во всех рассматриваемых вариантах даргинского языка. Ниже будет, однако, показано, что и из этих свойств некоторые оказались в изучаемых диалектах нерелевантными для противопоставления сочинительной связи подчинительной.

2.2. Кункинский диалект

Принципиально отличается от ицаринской ситуация в кункинском диалекте: в нем простой претеритный конверб является подчинительным по всем используемым нами критериям, и его поведение не зависит от семантики. Например, претеритный конверб всегда отвечает критерию 2 даже при отсутствии причинного значения (или других значений, характерных для специализированных конвербов):

- (5) *murad* *č_oer-kejs-un*, *qili*
 Мурад PREV-лежать:PF-PRET дом
sač'-ib-le
 HITHER+приходить:PF-PRET-CONV
 'Мурад лег спать после того, как пришел домой'.

2.3. Аштинский диалект

Ситуация в аштинском диалекте в целом аналогична ицаринской, хотя и несколько отличается в деталях. Вложение одной клаузы в другую (признак 1), по-видимому, возможно только при односубъектном употреблении конверба, т. е. этот признак коррелирует с признаком 4 (контроль):

- (6а) **saleħ*, *ʕa'li* *sa'q'-u'n*, *w = idaž-i*
 Салих Али HITHER+идти:PF-CONV M=выйти:PF-PRET
 Ожид.: 'Салих вышел после того, как пришел Али'.

- (6б) *universitet-li*, *ʕa'li-dil* *ekzamen* *b = ič'-ib*,
 университет-ILL Али-ERG экзамен N=сдать:PF-CONV
ke:χ_o-i
 DOWN+идти:PF-PRET
 'Али поступил в университет после того, как сдал экзамен'.

При постановке конвербной клаузы после главной (признак 2) возможна только причинная интерпретация:

- (7) *saleħ* *w = idaži*, *ʕa'li*
 Салих M=выйти:PF+PRET Али
sa'q'-u'n
 HITHER+идти:PF-CONV
 'Салих вышел, потому что вошел Али'.

Простой претеритный конверб в аштинском диалекте является сочинительным по признаку 5 (вопросительное слово):

- (8) *ča w=idaž-i ʕali saʕq'-uʕn
кто M=выйти:PF-PRET Али HITHER+приходить:PF-CONV
Ожид.: 'Кто вышел потому, что вошел Али?'

— а также по признаку 8 (воздействие матричного глагола):

- (9) *dam b=aʕk'-uʕ ʕali saq'-uʕn
я.SUPLAT N=знать:IPF-PRS Али приходить:PF-CONV
saleħ w=idaž-i
Салих M=идти:PF-PRET
Ожид.: 'Я думаю, Салих вышел, потому что вошел Али'.

3. Выводы

Таким образом, простой претеритный конверб демонстрирует различные свойства в изученных нами диалектах: подчинительные в кункинском и вариативные (в зависимости от семантики) свойства в ицаринском и аштинском. При этом, как мы уже заметили ранее, простой претеритный конверб, в отличие от прочих деепричастий, скорее всего следует считать существовавшим еще в период даргинской языковой общности. Таким образом, из наших данных следует, что сочинительно-подчинительные свойства конвербных конструкций могут легко подвергаться изменению с течением времени. Каким мог быть сценарий подобной эволюции и какие факторы могли повлиять на ее результат?

На наш взгляд, принципиально возможно два варианта:

1. Первоначально претеритный конверб использовал подчинительную стратегию, которая впоследствии была в основном вытеснена сочинительной в ицаринском и аштинском диалектах.

2. Первоначальная стратегия — сочинительная. Подчинительный характер претеритного конверба в кункинском — инновация.

Если предположить, что верен первый сценарий, то неизбежно встает вопрос о возможной мотивации сдвига от подчинения к сочинению. Учитывая данные ицаринского и аштинского диалектов, единственной мотивацией могло бы быть нарративное употребление конверба. В таком случае мы бы ожидали, что в кункинском диалекте это употребление весьма маргинально, в связи с чем сочинительная стратегия не получила там развития. Однако в действительности верно обратное: в кункинском диалекте, по

нашим данным, возможны цепочки из 5 и более конвербов на *-le*, тогда как «...Icari does not use long chains, it rarely has more than two subordinate converbs in such a chain» [Sumbatova, Mutalov 2003: 189]. Таким образом, сценарий 1 не объясняет наблюдаемого распределения сочинения и подчинения по диалектам и должен быть отвергнут.

Что касается сценария 2, то в его рамках можно объяснить сложившееся распределение следующим образом: подчинительная стратегия первоначально начала употребляться лишь при причинном употреблении конвербов, что мы наблюдаем в ицаринском и аштынском диалектах. Кункинский же диалект представляет собой более поздний этап развития: в нем произошло обобщение употребления претеритного конверба по подчинительной стратегии. То, что результат стал именно таким, на наш взгляд, вызвано большей синтаксической и семантической маркированностью подчинительной связи в сравнении с сочинительной.

Таким образом, синхронное рассмотрение близкородственных идиомов дает возможность делать выводы о диахронической эволюции синтаксических отношений. Основываясь на наших данных, мы предлагаем следующие предварительные выводы о закономерностях диахронической эволюции сочинения и подчинения:

1. Для языков характерно направление эволюции от сочинительных конструкций к подчинительным, но не в обратном направлении.

2. Сочинение является наиболее базовой стратегией соединения частей сложного предложения и не соотносится с какой-либо определенной семантикой, тогда как подчинение — маркированное отношение и ассоциировано с определенным набором значений. Наличие у сочинительной конструкции какого-либо из этих значений может вызвать дрейф в сторону подчинения.

3. При конкуренции сочинительной и подчинительной конструкций обобщение может произойти по подчинению, но не по сочинению.

Уточним, что данные выводы имеют лишь статус гипотезы, требующей проверки как на материале других даргинских диалектов, так и в более широкой типологической перспективе.

Список условных сокращений

I — лицо; CONV — конверб; DOWN — направление действия вниз; ERG — эргатив; HITHER — направление к говорящему; ILL — иллатив; IPF — имперфективная основа; M — мужской грамматический класс; N — грамматический класс неодушевленных имен; PF — перфективная основа; PRS — настоящее время; PRET — претерит; PREV — преверб; SUPLAT — суперлатив.

Литература

- Зализняк, Падучева 1975 — А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика 6, 1975. С. 59–107.
- Рудницкая 1997 — Е. Л. Рудницкая. Проблема алтайского сочинения в корейском языке // Вопросы языкознания 6, 1997. С. 89–99.
- Тестелец 1999 — Я. Г. Тестелец. Порядок слов и структура составляющих // А. Е. Кибрик (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. С. 293–346.
- Haspelmath 1995 — M. Haspelmath. The converb as a cross-linguistically valid category // M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in Cross-linguistic Perspective*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 1–55.
- van Oirsouw 1987 — R. van Oirsouw. *The Syntax of Coordination*. Kent, 1987.
- Podlesskaya 1998 — V. I. Podlesskaya. Clause combining by means of resumption: subordination or coordination? // Paper presented at the 2nd Biennial Meeting of the Association for Linguistic Typology, Eugene, 11–14 September, 1998.
- Ross 1967/1986 — J. R. Ross. *Constraints on Variables in Syntax*. PhD Thesis, MIT, Cambridge, MA, 1967. Later published as: *Infinite Syntax*. Norwood, 1986.
- Sumbatova, Mutalov 2003 — N. R. Sumbatova, R. O. Mutalov. *A Grammar of Icar Dargwa [Languages of the World/Materials 92]*. München: LINCOM Europa, 2003.